

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

1808—1809 гг.

(Продолженіе ¹⁾).

Прегражденіе перемирія и неудачная атака Тучкова у Инденсальми (Вирта).

Однимъ изъ главныхъ условий перемирія, заключеннаго графомъ Буксгевденомъ въ Лохтео, было требованіе, чтобы Сандельсъ очистилъ Тайвольскую позицію и отступилъ къ Инденсальми, куда вплотную долженъ былъ подойти слѣдомъ за нимъ Тучковъ. Главнокомандующій, какъ видно, все время крѣпко держался своей основной мысли, задуманной еще въ началѣ войны: направить нашъ Саволакскій отрядъ *на путь отступленія* главныхъ силъ шведовъ. Добиваясь очищенія Тайволы и передвиженія Тучкова болѣе на сѣверъ, онъ достигалъ устраненія съ его пути того, казавшагося доселѣ непреодолимымъ, препятствія, которое создалъ у Тайволы Сандельсъ, а затѣмъ приближалъ войска Тучкова къ главной комунікаціонной линіи шведовъ по прибрежному пути на Улеаборгъ. Это упорное преслѣдованіе все той-же основной идеи дѣлало честь *настойчивости* Буксгевдена, но не показывало въ немъ *гибкости* полководческаго дара: убѣдиться въ томъ,

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 3.

что эта идея не отвѣчаетъ обстановкѣ (мѣстность внутренней Финляндіи) можно бы было изъ опыта предшествующихъ мѣсяцевъ.

Но старанія Буксгевдена извлечь эту выгоду изъ перемирія оказались напрасными: Сандельсъ еще раньше самъ очистилъ Тайвольскую позицію, не дождавшись совмѣстной атаки войскъ Тучкова и шедшаго изъ Сердоболя князя Долгорукова, который къ 17-му сентября подошелъ, наконецъ, къ Меланьеми (въ одномъ переходѣ отъ Тайволы), употребивъ *мѣсяцъ и 11 дней* на проходъ 260 верстъ по мятежной Кореліи! Едва эти оба генерала начали сговариваться о томъ, какъ произвести одновременно ударъ на Сандельса съ фронта и тыла, едва Тучковъ, наконецъ, собрался использовать заготовленные съ такими трудами и затратами водоплавныя средства для переправы черезъ озеро Калавеси, какъ Сандельса и слѣдъ простылъ! Онъ скрытно, ночью, снялся съ позиціи, такъ долго служившей ему опорой и приковывавшей къ себѣ наши силы, и отошелъ къ Иденсальми. Тучковъ совершилъ свою переправу безмятежно, соединился съ Долгорукимъ, отрядъ котораго вошелъ въ составъ его колонны, и продолжалъ наступленіе на сѣверъ по пятамъ шведовъ, несмотря на страшныя трудности въ доставкѣ продовольствія. Единственнымъ для того путемъ, сколько нибудь возможнымъ, являлись озерныя системы; для снабженія войскъ были съ этою цѣлью заранѣе сформированы, съ огромными трудностями, подвижныя продовольственныя лодочныя транспорты¹⁾. Исходнымъ пунктомъ ихъ отправки (промежуточной базой) былъ Варкаусъ; но осенняя непогода, съ ея вѣтрами и бурями, затормозила правильное движеніе этихъ транспортныхъ флотилій по озерамъ, и войска Тучкова жестоко бѣдствовали, не находя на мѣстѣ почти ничего: все было поѣдено, да къ тому же въ этой части Финляндіи населеніе, весьма рѣдкое, не можетъ похвастаться достаткомъ.

Во время перемирія часть войскъ изъ колонны графа Каменскаго была передвинута графомъ Буксгевденомъ на усиленіе Тучкова, опять таки въ силу того особаго значенія, которое онъ придавалъ этой колоннѣ; туда же направлены были гвардейскіе баталіоны Преображенскаго и Измайловскаго полковъ, назначенные въ Финляндію согласно постановленія комитета министровъ отъ 25-го сентября. Остальныя прибывшія подкрѣпленія были посланы

¹⁾ Въ архивахъ морского министерства (для департамента морского министра за 1808—09 гг.) сохранились любопытныя данныя по этой организаціонной работѣ.

частью въ отрядъ Каменскаго, частью (подъ начальствомъ князя Голицына) эшелонированы между Гамла-Карлебю и Вазою, служа ему ближайшими резервами. Такое расположеніе, очевидно, вызывалось непрекращающимся ожиданіемъ повторенія какихъ-либо болѣе рѣшительныхъ десантныхъ операцій короля съ Аланда, направленныхъ ближе къ тылу нашихъ наступающихъ на сѣверъ войскъ.

Шведскій главнокомандующій, какъ только подписано было перемиріе, тотчасъ же уѣхалъ въ Стокгольмъ, сдавъ армію престарѣлому, но не по лѣтамъ энергичному Клеркеру. Послѣдній укрѣпилъ цѣлый рядъ позицій у себя въ тылу, пополнилъ ряды своихъ войскъ, а также послалъ подкрѣпленіе Сандельсу (было прислано около 3,000 человекъ изъ Швеціи); свое расположеніе у Химанко онъ усилилъ такъ, что, по словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, превратилъ его «въ настоящую крѣпость»; шведскіе инженеры приложили здѣсь все свое искусство и стараніе; силы Клеркера достигли 9,000 пѣхоты при 500 чел. конницы и 37 орудійхъ; у Сандельса было до 4,000.

Такимъ образомъ, шведы использовали подаренную имъ нами передышку, насколько было возможно. Густавъ IV Адольфъ, несмотря на всѣ понесенныя неудачи, упорствовалъ и ни подъ какимъ видомъ не соглашался очистить Финляндію; онъ, наоборотъ, требовалъ отъ Клеркера удержать во чтобы то ни стало оставшуюся въ его рукахъ часть края.

По полученіи повторнаго Высочайшаго повелѣнія (изданнаго комитетомъ министровъ) о прекращеніи перемирія, главнокомандующій приказалъ графу Каменскому перейти нейтральную черту и, войдя съ противникомъ въ соприкосновеніе, развлекать его вниманіе, не переходя въ рѣшительное наступленіе, чтобы дать колоннѣ Тучкова время сбить Сандельса и затѣмъ выиграть достаточно пространства для того, чтобы вѣрнѣе удалось его движеніе въ тылъ отступавшимъ вдоль побережья войскамъ Клингспора. Графъ Буксгевденъ держался, какъ сказано, за свою первоначальную идею «поставить между двухъ огней» главную группу непріятельскихъ войскъ. Но и на этотъ разъ третья уже по счету попытка его въ этомъ направленіи окончилась снова неудачно: «рѣшителемъ похода» (по выраженію Михайловскаго-Данилевскаго) оказался, волею судьбы, опять таки графъ Каменскій).

Для успѣха замысла графа Буксгевдена нужно было, чтобы Тучковъ началъ свое наступленіе раньше Каменскаго; поэтому

Тучкову было приказано извѣстить Сандельса о прекращеніи перемирія нѣсколькими днями раньше послышки однороднаго увѣдомленія графомъ Каменскимъ Клеркеру. Тучковъ сообщилъ Сандельсу, что военныя дѣйствія будутъ начаты нами снова 15-го октября въ полдень ¹⁾. Позиція, занятая шведами сѣвернѣ Иденсальми, у деревни Вирта, имѣла пассивный характеръ. За протокомъ, длиною около 9-ти верстъ, связывавшимъ озера Иярви и Поровеси, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оба берега соединялись длиннымъ мостомъ около 200 шаговъ длины, шведы устроили двѣ линіи окоповъ, а на вершинѣ, близъ деревни Линна, выстроили сильную батарею, продольно обстрѣливавшую мостъ. Восточный (русскій) берегъ протока командовалъ шведскою позиціей и охватывалъ ее кольцомъ, но былъ по большей части покрытъ лѣсомъ; фронтъ расположенія Сандельса суживался еще небольшимъ озеркомъ, примыкавшимъ съ запада, а отступленіе отъ деревни Линна затруднялось присутствіемъ въ тылу второго протока, съ небольшимъ мостомъ, спуски къ которому были весьма круты. Такія невыгоды занимаемой имъ позиціи побудили Сандельса (по словамъ шведскихъ источниковъ) рѣшиться на принятіе здѣсь только аріергарднаго боя, тѣмъ паче что силы непріятеля, какъ доподлинно ему было извѣстно, по крайней мѣрѣ четверо превосходили его собственныя. Онъ полагалъ лишь задержать русскихъ какъ можно долѣе на переправѣ; обозъ свой заранѣе отослалъ къ Пулькилло, а тяжести и раненыхъ къ Вуолюки на озерѣ Улео, а оттуда водою въ Улеаборгъ.

Утромъ 15-го октября войска колонны Тучкова сосредоточились къ протоку. Князь Долгорукій, начальникъ авангарда, безпрестанно вынималъ часы, горя нетерпѣніемъ начать дѣло, въ надеждѣ отличиться и оправдать возлагаемая на него Государемъ и петербургскимъ обществомъ надежды. Ровно въ полдень ²⁾ онъ повелъ лобовую атаку прямо на мостъ, причемъ егеря наши, вмѣсто того, чтобы, быстро перебѣжавъ на ту сторону, помѣшать шве-

1) Шведскіе источники увѣряютъ, что условлено было начать военныя дѣйствія въ часъ пополудни.

2) Шведскіе источники, къ слову сказать, обвиняютъ князя Долгорукова въ томъ, что онъ началъ атаку *часомъ раньше* условленнаго времени. Въ нихъ приводится обыкновенно разсказъ о послыжкѣ Сандельсомъ, въ 10 часовъ утра, своего адъютанта къ нашимъ аванпостамъ для передачи письма, причемъ адъютантъ, передавая это письмо ординарцу князя Долгорукова, былъ удивленъ замѣчаніемъ послѣдняго, что «перемиріе истекаетъ черезъ нѣсколько минутъ». Шведскій адъютантъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ, что у него около двѣнадцати, и подучилъ въ отвѣтъ, что по русскимъ часамъ—скоро часъ и что русскіе будутъ атаковать по своимъ часамъ, такъ какъ по близости нѣтъ астронома, чтобы ихъ исправить».

дамъ разобрать настилку,—разсыпались цѣпью по бокамъ моста и завязали перестрѣлку. Непрiятельская команда, заранѣе для того назначенная, успѣла мостъ испортить. Долгорукову пришлось послать пионерную роту возобновлять настилку подъ жестокимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Пионеры наши самоотверженно и быстро выполнили это рискованное дѣло, и 4-й егерскій полкъ дружнымъ натискомъ перебѣжалъ мостъ, смѣло атаковалъ передовые шведскіе окопы и взялъ ихъ. Подъ прикрытіемъ этой атаки, поддерживаемой огнемъ батареи, занявшей выдающійся мысъ восточнѣе моста, послѣдній перешли еще два полка, Тенгинскій и Навагинскій. Егеря бросились въ атаку на батарею, Навагинцы подкрѣпили ихъ, а Тенгинцы взяли уступомъ влѣво, переграждая шведамъ доступъ къ мосту. Деревня Линна была зажжена нашею артилеріей, егеря ворвались уже во второй рядъ окоповъ; шведскія орудія замолчали и, казалось, недоставало небольшого лишь, послѣдняго усилія для довершенія побѣды. Но тутъ Сандельсъ, который до того съ присущимъ ему хладнокровіемъ слѣдилъ за ходомъ битвы съ холма, неожиданно двинулъ скрытыя имъ за сѣвернымъ его склономъ сомкнутыя колонны въ штыки навстрѣчу русскимъ. Узость позиціи сыграла ему въ руку: атакующіе столпились на тѣсномъ перешейкѣ между протокомъ Вирта и озеромъ Ала-Тисма, всего шириною около 100 сажень. Передовыя цѣпи егерей были опрокинуты на головы сзади идущихъ колоннъ Навагинцевъ, а Тенгинскій полкъ, будучи отдѣленъ озеркомъ, не могъ оказать поддержки; смятеніе сдѣлалось всеобщимъ; князь Долгорукій, пытавшійся водворить порядокъ, былъ убитъ шальной пулей. Преслѣдуемые шведами наши полки въ ужасномъ безпорядкѣ перебѣжали обратно на тотъ берегъ, причемъ многіе попадали въ воду и утонули.

Мостъ былъ усѣянъ трупами и ранеными, а подведенные Тучковымъ резервы (полки Ревельскій и Азовскій) были на мгновение смяты бѣжавшими. Шведы подвезли артилерію и открыли огонь вдоль моста; однако, при помощи свѣжихъ войскъ, у насъ довольно быстро устроились, и завязалась черезъ протокъ живая перестрѣлка, прекращенная только съ наступленіемъ темноты.

Князь Долгорукій, убитый въ этомъ бою при Вирта (какъ называютъ его шведскіе источники), пользовался расположеніемъ Императора Александра и предназначался въ замѣстители Тучкову, дѣйствіями котораго въ Петербургѣ по прежнему были недовольны.

Приказъ объ этой перемѣнѣ полученъ былъ двумя днями позже сраженія.

Неуспѣхъ 15-го октября отразился существенно на характерѣ дальнѣйшихъ дѣйствій. Графъ Буксгевденъ рѣшилъ опять подкрѣпить Тучкова частью силъ Каменскаго и, такъ какъ онъ продолжалъ упорно придавать Саволакской колоннѣ активное значеніе, то задержалъ наступленіе по всему стратегическому фронту. Задержка эта могла весьма невыгодно отразиться на положеніи нашихъ дѣлъ.

Что же касается, въ частности, причинъ Виртовской неудачи, то главною слѣдуетъ считать—пренебреженіе къ развѣдкѣ, тѣмъ болѣе удивительное, что времени было слишкомъ достаточно: все перемиріе. Въмѣсто смѣлаго натиска въ лобъ на Виртовскій мостъ, можно было легко обойти все дефіле и даже высоту у д. Линна, направившись вдоль протока на сѣверъ къ мысу Лаппиньеми, гдѣ протокъ суживался всего до 25-ти сажень. Переброшенные здѣсь на непріятельскій берегъ наши силы выходили прямо на единственный путь отступленія шведовъ къ Улеаборгу, до котораго было не больше полу-версты...

Удача при Виртѣ вплела новые лавры въ побѣдный вѣнокъ Сандельса, но выгоды ощутительныхъ не доставила. «Если принять во вниманіе (пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ), что непріятельскихъ войскъ было по крайней мѣрѣ отъ 7 до 8 тысячъ, шведскихъ не болѣе 1,200 человекъ..., то нельзя не признать, что дѣло это было однимъ изъ важнѣйшихъ, выпавшихъ на долю шведскаго оружія въ эту кампанію»...

Впечатленіе, однако, нѣсколько ослабляется, если мы примемъ въ расчетъ *условія мѣстности*, въ силу которыхъ Сандельсъ, въ сущности говоря, имѣлъ дѣло только съ *головой* нашей штурмующей колонны, причѣмъ почти *половина* нашего отряда такъ и не приняла участія въ дѣлѣ.

Безрезультатность же тактическаго успѣха Сандельса (непосредственно для его отряда) видна уже изъ того, что продолжать отступленіе къ Улеаборгу онъ призналъ попрежнему необходимымъ. Онъ обратился даже съ просьбою о 36-ти часовомъ перемирії подъ предлогомъ необходимости уборки нашихъ раненыхъ. Затѣмъ Сандельсъ отошелъ на одинъ переходъ къ сѣверу и у Салахми занялъ снова крѣпкую позицію, на которой оставался около двухъ недѣль.

Оттѣсненіе шведовъ въ Улеаборгу, Олькювская «конвенція» и увольненіе графа Буксгевдена.

Послѣ неудачнаго для насъ дѣла при Иденсальми (Вирта), Тучкову было приказано выждать съ дальнѣйшимъ наступленіемъ, пока подойдутъ къ нему двинутыя графомъ Каменскимъ, по распоряженію главнокомандующаго, подкрѣпленія (3-й егерскій полкъ, Азовскій полкъ и баталіонъ Низовскаго), а также до подвоза продовольственныхъ запасовъ, съ трудомъ продвигавшихся водою по запутаннымъ фарватерамъ сѣверной части озерной Сайменской системы. Сперва графъ Буксгевденъ предполагалъ придержать войска и на береговой дорогѣ, но доставленныя ему свѣдѣнія (оказавшіяся впоследствии ложными) о выдѣленіи Клеркеромъ значительныхъ силъ на помощь Сандельсу, побудили его рѣшиться, наконецъ, пустить впередъ и колонну графа Каменскаго. Нельзя не замѣтить, что прибытіе осторожнаго главнокомандующаго самолично къ войскамъ этой колонны отражалось на образѣ ея дѣйствій. Нерѣшительность и колебанія, наоборотъ, не были вовсе свойственны графу Каменскому. Получивъ, наконецъ, разрѣшеніе наступать, онъ быстро тронулся впередъ 20-го октября изъ окрестностей Гамла-Карлебу, намѣреваясь рѣшительно атаковать позицію у Химанко, сильно укрѣпленную шведскими инженерами.

Безспорно, что надъ Буксгевденомъ все время тяготѣла первоначальная предвзятая идея—добиться рѣшительнаго успѣха приданіемъ активной роли именно Саволакской колоннѣ. Ослабляя графа Каменскаго, Буксгевденъ рисковалъ *не добить* главную неприятельскую группу, а именно къ этому и слѣдовало стремиться, чтобы окончательно завладѣть Финляндіей и лишить неприятеля *кадровъ* для образованія новой арміи къ будущей кампаніи.

Съ другой стороны, причина медлительности Буксгевдена та,— что онъ выжидалъ *наступленія зимы*. Главнокомандующій зналъ по опыту первыхъ мѣсяцевъ похода, какъ облегчалось преодоленіе чередующихся на побережьѣ Эстроботнѣи широкихъ водныхъ преградъ, благодаря возможности *обходить* эти крѣпкія съ фронта позиціи, *двигаясь по льду залива*. Но способность шведовъ къ сопротивленію была настолько подорвана, что въ этомъ облегченіи не было надобности. Каменскій лучше угадалъ *психологию* противника. Уныніе и безнадежность царили въ шведскихъ рядахъ. При такихъ обстоятельствахъ всякое промедленіе съ нашей сто-

роны являлось *спасительнымъ* для противника: оно давало ему возможность отдохнуть, оправиться, собрать свои разрозненные силы. Наоборотъ, при неотвязномъ, настойчивомъ *преслѣдованіи*—одной *угрозы сообщеніямъ* оказывалось достаточно.

При этомъ, не имѣя возможности обходить всѣ эти шведскія позиціи съ запада, т. е. по льду, какъ это дѣлалъ Кульневъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1808 года, гоня шведовъ на дальній сѣверъ,—Каменскій примѣняетъ обратный пріемъ: онъ продвигаетъ часть силъ къ верховьямъ рѣкъ, переходитъ ихъ тѣмъ или другимъ способомъ тамъ, гдѣ преграда легче одолима, и маневромъ во флангъ вмѣстѣ съ давленіемъ на фронтъ вынуждаетъ шведовъ *безъ боя* отдавать намъ всѣ эти сильныя позиціи, которыя, при иныхъ условіяхъ, пришлось бы одолѣвать съ затратой огромныхъ усилій.

Клеркеръ поставилъ себѣ цѣлью *сохранить для Швеціи возможно большее количество воиновъ*. Онъ понималъ, что дальнѣйшее сопротивленіе *въ предѣлахъ Финляндіи* не можетъ уже имѣть никакихъ шансовъ на успѣхъ. А такъ какъ со стороны моря, несмотря на то, что шведы были полными хозяевами Ботническаго залива, не было ни малѣйшей попытки облегчить положеніе отступавшихъ,—имъ приходилось, не взирая на почти полное истощеніе матеріальныхъ и духовныхъ силъ, добираться до крайнихъ сѣверныхъ предѣловъ Финляндіи. «У насъ нѣтъ другого выбора (писалъ Клеркеръ Сандельсу ¹⁾), кромѣ того, что шагъ за шагомъ оспаривать у противника путь къ Улеаборгу, не рискуя арміей и обезпечивая свое отступленіе за Улеаборгъ. Это не будетъ пріятнымъ путешествіемъ въ данное время года, но другого выхода нѣтъ для спасенія арміи и для прикрытія Швеціи съ этой стороны». Одновременно съ этимъ Клеркеръ предписывалъ Сандельсу такъ собразовать свое отступленіе съ движеніемъ главныхъ силъ, чтобы соединеніе обѣихъ колоннъ совершить въ Лиминго, не допуская отнюдь русскихъ отрѣзать кому либо изъ нихъ сообщенія или перервать связь между ними. Такимъ образомъ, Клеркеръ отчасти предвидѣлъ именно тотъ образъ дѣйствій непріятеля, котораго при держался Каменскій.

Нельзя не удивляться тому упорству, съ которымъ Шведскій король Густавъ-Адольфъ держался предвзятой своей идеи объ отвлеченіи нашихъ силъ и нашего вниманія высадками въ юго-западной Финляндіи. Эти высадки еще имѣли нѣкоторый смыслъ и

¹⁾ См. Danielson. Finska kriget, стр. 537.

значеніе въ то время, когда районъ главныхъ операцій на сушѣ не переходилъ сѣвернѣе Вазы. Но съ уходомъ шведскихъ войскъ въ направленіи Улеборга,—кстати говоря, обусловленнымъ, какъ извѣстно, отказомъ Густава IV Адольфа Клингспору въ отвозѣ арміи моремъ въ Швецію—всякая связь между «сѣверно-финской» и «южно-финской» арміями фактически утрачивалась. Единственною возможностью возстановить эту связь было, пользуясь своимъ полнымъ и ничѣмъ ненарушимымъ господствомъ на Ботническомъ заливѣ, посадить всѣ войска съ Аланда на суда и, подъ прикрытіемъ флота, высадить ихъ на побережѣ гдѣ либо въ сѣверной части Ботники, поближе къ району операцій, чтобы оказать на нихъ *непосредственное* вліяніе... Но объ этомъ и не думали; король возобновлялъ безъ всякаго вниманія къ общей обстановкѣ, свои десантныя попытки къ юго-западной Финляндіи, а когда всѣ они не удались, бросилъ все и уѣхалъ въ Швецію... Такимъ образомъ, Клеркеру приходилось выносить исключительно на своихъ истощенныхъ силахъ всю тяжесть отступленія.

Кульневъ, шедшій въ авангардѣ Каменскаго, быстро продвинулся къ Химанко, но, къ удивленію своему, обнаружилъ, что непріятель покинулъ эту позицію, не принявъ боя. Михайловскій-Данилевскій объясняетъ оставленіе этой позиціи Клеркеромъ опасеніемъ послѣдняго, что его обойдутъ съ тыла, а также упадкомъ духа шведскихъ войскъ. Вѣрнѣе искать причину этого отступленія въ стремленіи Клеркера скорѣе сблизиться съ Сандельсомъ и, сосредоточивъ всѣ оставшіяся силы, прикрывать ими шведскую границу. Это подтверждается тѣмъ, что еще 17-го октября Клеркеръ отправилъ бригаду Гриппенберга черезъ Сикайоки къ Теммесь, чтобы принять на себя отступающаго Сандельса. Самъ Клеркеръ съ остальными силами, сжигая за собою мосты, отошелъ за рѣку Калаіоки, и здѣсь снова укрѣпился на высотахъ. Съ трудомъ подвигаясь впередъ черезъ испорченныя переправы и по осенней грязи, Кульневъ настигъ 25-го числа непріятельскій аріергардъ въ 4-хъ верстахъ впереди Калаіоки,—сбилъ его и преслѣдовалъ вплоть до главной позиціи. Шведы отступали передъ нимъ по-эшелонно, взаимно прикрывая другъ друга, пока всѣ ихъ силы не соединились у Калаіоки. На другой день 26-го числа подошелъ съ главными силами графъ Каменскій. Необходимость сбить шведовъ съ позиціи для него обуславливалась еще недостаткомъ продовольствія: транспорты, задержанные испортившимися дорогами, отстали, и Каменскій вынужденъ былъ искать базу *впереди себя*.

Источивъ всѣ мѣстныя средства въ окрестномъ районѣ Каменскій рассчитывалъ, отгѣснивъ шведовъ, занять большее пространство края и воспользоваться новыми припасами отъ жителей.

Позиція у Калаіюки, прикрытая широкимъ устьемъ рѣки, была трудноодолима съ фронта. Каменскій, озаботившійся еще во время перемирія заготовкою моста изъ легкихъ платформъ, перевозимаго въ особыхъ фурахъ (Сухтеленъ, стр. 163), перешелъ со своей колонной по этому мосту ¹⁾ потокъ Саппо близъ селенія Курикка, послѣ довольно сильной канонады, заставившей отступить шведскій аріергардъ; для преодоленія же Калаіюкской позиціи, начальникъ отряда отдѣлилъ обходную колонну Эриксона (3 полка съ 1 эскадрономъ и 5-ю орудіями), которая двинулась вверхъ по рѣкѣ, чтобы перейти ее поближе къ верховьямъ. Стукнувшій въ ночь морозъ подаль рѣшителю Каменскому мысль еще болѣе упростить дѣло: онъ оставилъ передъ фронтомъ шведской позиціи авангардъ Кульнева (5 баталіоновъ, 2 эскадрона и 2 орудія), подкрѣпленный двумя полками Демидова, а со всѣми остальными войсками двинулся вслѣдъ за Эриксономъ, прямо по замерзшимъ болотамъ. Но это движеніе оказалось крайне труднымъ: ледъ былъ еще слабъ, люди и лошади проваливались по поясъ въ воду; всѣ генералы и офицеры шли пѣшкомъ. Движеніе было крайне медленно: въ 8 часовъ прошли только 5 верстъ и на другой день добрались до селенія Питкейсъ, гдѣ предполагалось переправиться черезъ рѣку. Тѣмъ временемъ Эриксонъ уже успѣлъ перейти на ту сторону вбродъ значительно выше и шелъ вдоль Калаіюки, тѣсня передъ собою шведскіе передовые посты. Лишь утромъ 28-го Каменскій совершилъ переправу по наведенному мосту и пошелъ вслѣдъ за Эриксономъ, а Кульневъ съ Демидовымъ уже возстановляли мостъ на фронтѣ и намѣревались форсировать и эту переправу.

Только при абсолютной пассивности непріятели можно было позволять себѣ такъ дерзко раздѣлять свои силы въ его непосредственной близости, причемъ почти двое сутокъ противникъ имѣлъ возможность разбить отдѣльно любую изъ нашихъ трехъ группъ. Но наши генералы знали, что дѣлали: они ясно понимали, что противникъ уже въ такомъ угнетенномъ состояніи, что можно отважиться почти на все.

Вмѣсто того, чтобы попытаться воспользоваться рискованнымъ нашимъ положеніемъ, Клеркеръ ограничился постепеннымъ оття-

¹⁾ Это показываетъ, между прочимъ, что вышеупомянутая мысль Каменскаго о наипростѣйшемъ способѣ преодоленія непріятельскихъ позицій за рѣками сѣверной Эстроттніи, не возникла случайно, а была имъ зрѣло обдумана заранее.

гиваніемъ своихъ передовыхъ частей, а когда Эриксонъ продвинулся настолько, что грозилъ уже шведскому тылу,—Клеркеръ очистилъ и эту позицію, сдерживая нашъ напоръ до ночи арьергардомъ. Въ ту же ночь Кульневъ исправилъ мостъ и, перейдя на другой берегъ, обогналъ Эриксона, а затѣмъ, помня данный ему приказъ «не выпускать изъ вида непріятеля», устремился, какъ рыняный охотникъ по слѣду, за отступавшими шведами.

Главнокомандующій графъ Буксгевденъ слѣдовалъ съ колонною графа Каменскаго только до Гамла-Карлебю, гдѣ остался для того, чтобы озаботиться доставкою продовольствія къ двигающимся сѣвнѣ по пятамъ противника войскамъ. Однако, несмотря на всѣ хлопоты и старанія, транспорты застрѣвали, задерживаемые осеннею распутицею, мѣстные же средства были истощены противникомъ, который только что здѣсь прослѣдовалъ. Какъ ни велики были, описываемыя въ самыхъ трогательныхъ краскахъ шведскими историками, лишенія шведскихъ войскъ при этомъ вторичномъ ихъ отступленіи къ сѣвернымъ предѣламъ Финляндіи, они далеко не могутъ идти вровень съ тѣми ищпытаніями, которыя выпали на долю нашихъ героевъ, питавшихся, въ концѣ конновъ, чуть не одними остатками мерзлаго картофеля, выкапываемыми тесаками на заброшенныхъ поляхъ ¹⁾). Шведы имѣли, все-таки, запасы въ Улеаборгѣ, получали продовольствіе изъ Швеціи моремъ, наконецъ,—къ ихъ услугамъ была сѣверная часть Улеаборгской губерніи, хотя и скудная по природѣ, но еще войною не истощенная. Окрестности Улеаборга шведы успѣли сильно укрѣпить; всѣ тяжести, продовольствіе и магазины ихъ были уже переправлены на правый берегъ рѣки Улео, являющейся сильной оборонительной линіей до 400 сажень ширины. Для переправы войскъ шведскихъ заготовлено было нѣсколько сотъ судовъ, а на сѣверномъ берегу устроена сильная укрѣпленная позиція, въ которой шведская армія имѣла возможность долго сопротивляться.

Иное было положеніе нашихъ войскъ. «Безпрерывныя донесенія о неуспѣшномъ ходѣ транспортовъ (доносилъ Буксгевденъ Государю) довершали мое безпокойство. Посланные комисіонеры и чиновники единогласно утверждали, что хотя на собираемыхъ въ Гельсингфорсѣ съ большимъ затрудненіемъ подводахъ отправляется провіантъ, но доставленіе его, по мѣрѣ отдаленія отъ Гельсингфорса, дѣлается совершенно невозможнымъ.

¹⁾ См. Записки Фаддея Булгарина.

«Опустошеніе на 150 версть въ ширину, встрѣчаемое по всѣмъ дорогамъ, по причинѣ бывшаго въ краю семь волненія, брошенныхъ несжатыхъ полей, нескошенныхъ луговъ и разсѣянныхъ жителей, не только отнимаетъ способы дѣлать перемѣну транспортнымъ лошадямъ, но даже сыскать имъ кормъ, отъ чего изнуряемая такимъ образомъ подводы дѣлаютъ въ сутки не болѣе 10 или 15 версть, а наконецъ и вовсе останавливаются. Между тѣмъ изъ каждаго кирхшпиля (прихода), черезъ которые отступали шведы, вводили они по 300 и болѣе лошадей и рогатаго скота, собирали отъ 800 до 900 бочекъ разнаго хлѣба, такъ что со всякимъ шагомъ вслѣдъ за непріателемъ мы болѣе и болѣе вдавались въ опустошенную землю, лишаясь послѣднихъ способовъ пропитанія себя. Скрывая по возможности отъ войскъ сіе положеніе, я предписалъ продолжать движеніе согласно операціонному плану, усугубляя между тѣмъ поиски мои, уже отъ бывшаго перемирія начатыя, дабы имѣть вліяніе на умы, если не шведскаго войска, то финскаго и ихъ начальниковъ. Но при всей наклонности нѣкоторыхъ чиновниковъ въ пользу нашу, кромѣ умноженія числа дезертировъ, невозможно было поколебать чести, съ которою всѣ они готовы омытъ кровію каждый шагъ ихъ отступленія».

Такимъ образомъ, графъ Буксгевденъ опасался, что продовольственныя затрудненія помѣшаютъ побѣдоноснымъ войскамъ нашимъ довершить свою побѣду и пытался даже (хотя и безуспѣшно) склонить финновъ къ измѣнѣ своимъ знаменамъ.

Подобныя попытки «воздѣйствія на умы» происходили, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ совѣтовъ тѣхъ шведскихъ перебѣжчиковъ, клеветовъ Спренгтпортена, которые въ довольно большомъ числѣ пристроились къ главной квартирѣ.

Тѣмъ временемъ войска графа Каменскаго, бодро перенося неслыханныя лишенія, тѣснили противника все дальше и дальше. 30-го октября Кульневъ достигъ шведскіи аріергардь у рѣки Пюхяюки; разрушенный до основанія мостъ остановилъ наступленіе; Кульневу, съ присоединеніемъ головного эшелона главныхъ силъ подъ начальствомъ Демидова, приказано было дѣйствовать съ фронта, а остальныя войска свернули вверхъ по рѣкѣ, для обхода. 2-го ноября пришелъ на помощь морозъ; на ледяную кору, затаившую рѣку, набросали соломы и досокъ, полили все это водою, и черезъ этотъ зыбкій помостъ, по одиночкѣ, перебирались пѣхотинцы, а рядомъ конница, прорубивъ во льду каналъ, переходила

рѣку вплавь, переправляя сѣдла на лодкахъ. Смѣлый этотъ обходъ заставилъ шведовъ очистить Пюхяюки безъ боя.

Отсюда Каменскій послалъ двѣ колонны въ разрѣзъ между Клеркеромъ и Сандельсомъ, на Франтсила и Пулькилла. Это движеніе заставило Сандельса послѣ неудачной ночной атаки на наши войска 30-го октября, поспѣшить отступленіемъ къ Улеаборгу, а Клеркеръ очистилъ Брагештадтъ и дошелъ до Сикаюки, т. е. до того пункта, который въ апрѣлѣ былъ предѣльною точкой нашего наступленія.

Скажемъ попутно нѣсколько словъ о событіяхъ въ колоннѣ Тучкова и о вышеупомянутой смѣлой ночной попыткѣ Сандельса, бывшей, такъ сказать, его «лебединою пѣснью».

Послѣ дѣла у Иденсальми, отрядъ Тучкова въ теченіе двухъ недѣль бездѣйствовалъ, руководствуясь даннымъ главнокомандующимъ приказаніемъ. Только авангардъ Тучкова перешелъ Виртовскій мостъ и продвинулся на 5 верстъ къ сѣверу, уперевъ правый флангъ въ моховое болото. Болото это прикрывало съ праваго фланга и главныя силы Тучкова, расположившагося спокойно по квартирамъ, считая себя и свой отрядъ въ полной безопасности. Правда, черезъ болото проходила тропинка, но развѣдавшій ее офицеръ призналъ ее *непроходимой*. Однако, съ наступленіемъ ночныхъ морозовъ было обращено вниманіе на возможность движенія по замерзшему болоту; къ тому же замѣчено было, что противникъ производитъ развѣдки въ этомъ направленіи, и потому въ лѣсу, у начала болота, поставлена была сильная застава (въ двѣ роты).

Дѣйствительно, Сандельсъ, не упускавшій никогда случая воспользоваться малѣйшею оплошностью противника, чтобы нанести ему вредъ, рѣшилъ въ данномъ случаѣ, что разбросанное квартирное расположеніе Тучкова можетъ оказаться уязвимымъ. Онъ вознамѣрился попытаться произвести нечаянное ночное нападеніе съ тыла на нашъ авангардъ, разрушивъ Виртовскій мостъ, связывавшій его съ главными силами и, если возможно, захвативъ въ плѣнъ начальствующихъ лицъ авангарда квартировавшихъ, какъ было ему отлично извѣстно, въ деревушкѣ Фредриксдаль, въ верстѣ сѣвернѣе помянутаго моста. Для производства ночной атаки назначенъ былъ Дункеръ, уже прославившійся своими смѣлыми набѣгами и ночными дѣлами; въ его распоряженіе дано около 1,000 отборныхъ людей изъ всѣхъ полковъ. По лѣсамъ и болотамъ долженъ былъ пробраться этотъ отрядъ и, совершивъ пятидесяти-

верстный обходъ, ударить на мостъ, разрушить его и, напавъ на авангардъ нашъ съ тыла, уничтожить его и плѣнить генераловъ Ершова и Алексѣева.

Содѣйствовать атакѣ одновременнымъ ударомъ съ сѣвера долженъ былъ Аминовъ съ 500 человекъ, по спущенной Дункеромъ ракетѣ. Къ вечеру 30-го числа Дункеръ добрался до д. Свенинмяки, откуда выступилъ съ такимъ расчетомъ времени, чтобы подойти къ мосту около полуночи. Шедшій въ авангардѣ извѣстный шведскій партизанъ Мальмъ ¹⁾ наткнулся неожиданно на вышеупомянутую нашу заставу на краю болота. Видя, что весь планъ можетъ изъ за этого рухнуть, онъ рѣшилъ спасти дѣло *быстротой*: смѣло навалился на наши роты, застигнутыя врасплохъ неожиданностью, смялъ ихъ, прогналъ ихъ вплоть до моста, гдѣ оказались землянки полковъ Ревельскаго и Низовскаго. Въ темнотѣ мрачной осенней ночи началось всеобщее смятеніе и жестокая, беспощадная штыковая работа, воспѣтая очевидцемъ, поэтомъ Батюшковымъ:

«Помнишь ли, питомецъ славы,
Иденсальми страшну ночь?..»

Рѣзня началась свирѣпая; бились грудь съ грудью на тѣсномъ мосту, сталкивая другъ друга въ ледяныя волны; шведамъ уже удалось пробиться къ поставленной у моста батарее, но въ это время гвардейскіе егеря, баталіонъ которыхъ, какъ извѣстно, пришелъ еще съ Барклаемъ-де-Толли, бросились на выручку, приведенные адъютантомъ начальника отряда барономъ Паленомъ. Будущіе герои Кульма мастерски ориентировались, не взирая на почти полную тьму, ударили на торжествовавшего уже врага съ тыла и придали этимъ смѣлость нашимъ авангарднымъ баталіонамъ; послѣдніе оправились, и Дункеръ съ Мальмомъ, во главѣ своихъ смѣльчаковъ, оказались между двухъ огней. Обоюдоострое значеніе формулы: *кто обходитъ—тотъ самъ обойденъ*, сказалось и тутъ, на этомъ маленькомъ, но весьма поучительномъ примѣрѣ. Темнота спасла шведовъ отъ полного уничтоженія; отчаянно пробивались они сквозь наши ряды и уходили отъ преслѣдованія въ чащу лѣса. Шестеро офицеровъ и свыше 200 человекъ полегло ихъ; въ числѣ плѣнныхъ оказалси и знаменитѣйшій изъ непріятельскихъ партизановъ Мальмъ. Условленной ракеты не было спущено. а потому Аминовъ такъ и не произвелъ атаки съ сѣвера.

¹⁾ Дѣйствовавшій раньше въ Корелии.

На другой день къ Сандельсу пришло какъ разъ приказаніе отсунуть какъ можно быстрѣе къ Улеаборгу. Дождавшись присоединенія остатковъ отряда Дункера, онъ двинулся, уничтожая за собою переправы. Тучковъ медленно слѣдовалъ за нимъ, задерживаемый дурными дорогами, по причинѣ которыхъ запаздывали транспорты съ продовольствіемъ. Такимъ образомъ дальнѣйшій отходъ бригады Сандельса до Франтсилы совершился безпрепятственно. Здѣсь Сандельсъ готовился къ оборонѣ, и уже завязалась перестрѣлка аванпостовъ, какъ пришло извѣщеніе о заключенномъ Клеркеромъ и Каменскимъ въ Олькіюки перемиріи ¹⁾.

Изнуренные безпрерывнымъ отступленіемъ, войска Клеркера по приходѣ въ Сіикаіюки, были поставлены въ затруднительное положеніе изъ-за мороза. Ботнической заливъ затянуло льдомъ, и суда съ продовольствіемъ, присланныя изъ Швеціи, не могли пристать къ финскому побережью. Это обстоятельство ставило шведовъ въ положеніе, близкое къ безвыходному. Шведскіе генералы собрались на совѣтъ и рѣшили вступить съ непріятелемъ въ переговоры. Графъ Каменскій, который уже велъ войска въ наступленіе противъ новой позиціи шведовъ, былъ приглашенъ въ ихъ передовую цѣпь, куда выѣхалъ къ нему Адлеркрейцъ. Послѣдній предложилъ заключить перемиріе, при условіи очищенія Улеаборга въ 14-ти дневный срокъ. Такъ какъ Каменскій имѣлъ отъ главнокомандующаго секретное полномочіе не отвергать выгодныхъ для насъ предложеній, и такъ какъ ему отлично было извѣстно состояніе нашего тыла, то онъ и согласился прервать военныя дѣйствія, отправивъ, однако, условія перемирія на утвержденіе главнокомандующему. Послѣдній уполномочилъ Каменскаго подписать конвенцію, но только при условіи очищенія всей Финляндіи и притомъ въ срокъ болѣе короткій. Переговоры велѣно было Каменскому окончить въ три дня, а войска тѣмъ временемъ такъ направить, чтобы склонить непріятеля къ согласію на наши требованія. Пока шелъ къ Каменскому этотъ отвѣтъ Буксгевдена, на помощь намъ пришла сама природа: бурнымъ вѣтромъ и оттепелью взломало ледъ на рѣкѣ Сіикаіюки, снесло деревянный мостъ, и, такимъ образомъ, шведы оказались отрѣзанными отъ своего тыла. Буря превратила рѣку въ грозный потокъ, черезъ который устроить временную переправу не представлялось никакой возможности. Если

¹⁾ Въмѣсто боя Тучковъ, по русскому обычаю, устроилъ въ ближайшей деревнѣ завтракъ, на который пригласилъ Сандельса и многихъ шведскихъ офицеровъ.

бы Каменскій не былъ связанъ даннымъ Адлеркрейцу словомъ, онъ могъ бы притиснуть непріятельскія войска къ рѣкѣ и поставить въ совершенно безвыходное положеніе.

5-го ноября привезенъ былъ отъ Буксгевдена отвѣтъ, и 7-го, въ тотъ самый день, когда Тучковъ занялъ Пулькилла, графъ Каменскій заключилъ съ Клеркеромъ въ Олькіоки перемиріе на неопредѣленный срокъ, главныя условія котораго заключались въ слѣдующемъ.

1) Шведская армія должна отойти за границу тогдашней Улеборгской губерніи, т. е. за рѣку Кеми, оставивъ оба берега этой рѣки во власти русскихъ; 2) шведская армія должна очистить Улеборгъ черезъ 10 дней по подписаніи «конвенціи», т. е. не позже 17-го ноября, 2-го декабря русскіе должны занять Кеми, т. е. расположиться отъ Торнео всего въ 27 верстахъ; 3) все, что будетъ оставлено шведами потому, что не успѣютъ вывезти, признается военною добычей; 4) шведы обязаны ничего не продавать, раздавать или уничтожать; 5) они не должны трогать ни архивовъ, ни чиновъ гражданскаго управленія, которые всѣ должны быть возвращены на свои мѣста.

Вслѣдъ за подписаніемъ конвенціи, графъ Каменскій уволенъ былъ въ Петербургъ, въ отпускъ для поправленія здоровья. Сдавъ свой отрядъ Тучкову и прощаясь съ войсками, онъ произнесъ слова, ставшія отнынѣ историческими: «Мы завоевали Финляндію—*сохраните ее*».

20-го ноября графъ Буксгевденъ вступилъ въ Улеборгъ. Авангардъ нашъ и казаки подавали помощь изможденнымъ непріятельскимъ отсталымъ и съ истинно-русскимъ добросердечіемъ дѣлились съ ними послѣднимъ кускомъ. Въ Улеборгѣ оставлено было непріателемъ 1,200 больныхъ, нѣсколько орудій (18) и 200 ружей. Жители города были немедленно приведены къ присягѣ на подданство Россіи.

Дойдя до назначенной демаркаціонной линіи, за рѣкой Кеми, нашъ авангардъ разставилъ передовую цѣпь и расположился на бивакахъ, не смотря на стужу, такъ какъ селенія здѣсь рѣдки и крайне малы. Шведы отвели свой авангардъ въ Торнео, а главныя ихъ силы стали въ Каликѣ.

Такимъ образомъ, основная цѣль войны—завоеваніе Финляндіи оказывалась фактически достигнутой: вся шведская Финляндія была въ нашей власти. Но Швеція еще не была побѣждена, она еще имѣла средства къ дальнѣйшему сопротивленію; мы даже со-

хранили ей остатки бывшей «финской армии», испытанные в боях и тягостях походной жизни и потому являющиеся великодушными кадрами для новых формирований. Заключение перемирия, темъ болѣе на неопредѣленный срокъ, давало возможность шведамъ воспользоваться подареннымъ временемъ оправиться отъ поражений и, оказавъ, снова сопротивление, добиться болѣе выгодныхъ для себя условій мира. Съ этой точки зрѣнія вполне понятно неудовольствіе, съ которымъ Императоръ Александръ I принялъ извѣстіе объ Олькюкской конвенціи.

«Не могу я признать (писалъ онъ графу Буксгевдену), чтобы конвенція, съ остатками шведскихъ войскъ заключенная, удовлетворяла и въ полной мѣрѣ моимъ желаніямъ и цѣли ввѣреннаго вамъ начальства. Войско непріятеля, не болѣе какъ изъ восьми тысячъ состоящее, болѣзнями и недостаткомъ продовольствія изнуренное и тѣснимое, какимъ образомъ могло бы противустать силамъ нашимъ, въ три краты его превосходящимъ? Бывъ преслѣдуемо продолженіемъ военныхъ нашихъ дѣйствій, какимъ образомъ могло бы оно избѣжать конечнаго расторженія? Большая его часть разсѣялась бы не достигнувъ Улеборга; остальная, если бы и спаслась, то въ разстроенномъ, изнуренномъ и ничтожномъ положеніи. Конвенція, вами заключенная, похитила у насъ сіи надежды. *Войска наши должны быть въ готовности противъ новыхъ покушеній*, а сіе одно въ настоящее время года, сколь должно быть тягостно, сами вы можете быть свидѣтелемъ».

Заключеніе Олькюкской конвенціи было послѣдней каплею, переполнившей чашу неудовольствія, уже почти съ самаго начала войны скопившагося противъ графа Буксгевдена въ Петербургѣ. Неудовольствіе это привело сперва къ охлажденію, а затѣмъ и къ прямому нерасположенію къ нему самого Императора Александра, чему дѣятельно содѣйствовали лица, такъ или иначе заинтересованные въ сверженіи главнокомандующаго съ поста. На выясненіи причинъ увольненія Буксгевдена отъ командованія и характеристикъ его, какъ начальника, считаемъ необходимымъ нѣсколько остановиться.

Увольненіе Буксгевдена состоялось при явно выраженномъ неудовольствіи Императора Александра, обусловившемъ собою проя-

онъ обладалъ, однако, вѣрнымъ военнымъ взглядомъ и богатымъ боевымъ опытомъ. Непосредственнымъ помощникомъ его, въ должности начальника его штаба, являлся инженеръ-генералъ Сухтеленъ, человекъ съ солидными по тому времени военно-научными познаніями... Предвидя заранѣе неизбѣжность значительнаго расхода войскъ въ цѣляхъ закрѣпленія за собою территоріи Финляндіи, и, главное, необходимость защиты ея береговъ, Буксгевденъ заблаговременно сталъ указывать на слабость силъ финляндскаго корпуса и просить о скорѣйшей присылкѣ къ нему подкрѣпленій. Заявленія эти принимались въ Петербургѣ, какъ уже сказано, очень неблагоклонно, а когда въ первой половинѣ лѣта, слабымъ нашимъ силамъ пришлось одновременно бороться съ непріятельскими войсками, возставшимъ населеніемъ и недостаткомъ пропитанія, ожидая ежеминутно высадки сильныхъ шведскихъ подкрѣпленій на берегахъ, — тогда стали всѣ неудачи взваливать на главнокомандующаго, приписывая ихъ неумѣлымъ его распоряженіямъ. Императоръ Александръ все время желалъ и настаивалъ на переносѣ военныхъ операцій въ сердце Швеціи. Объявивъ объ этомъ Наполеону еще въ мартѣ 1808 года, онъ, разумѣется, былъ крайне непріятно пораженъ, когда осуществленіе этого предпріятія оказалось совершенно невыполнимымъ.

Извѣстно его соперничество съ Наполеономъ, особенно въ военномъ дѣлѣ. Императору Александру желательно было щегольнуть быстрыми и блестящими успѣхами своихъ войскъ въ Финляндіи, тѣмъ болѣе тогда, когда французскимъ войскамъ въ Испаніи приходилось претерпѣвать непривычныя имъ неудачи. Это стремленіе ясно слышится въ тонѣ извѣстнаго письма, которое написано было Наполеону по взятіи Або (Ординъ т. II, стр. 92). Понятно, что неудачи въ Финляндіи и открывшаяся тамъ народная война, которую тотчасъ-же, въ параллель событіямъ въ Испаніи, назвали войною «гверильясовъ», раздражали Государя, и неудовольствіе его естественно обращалось на то лицо, которое являлось въ данномъ случаѣ передъ нимъ отвѣтственнымъ, т. е. на главнокомандующаго. Этимъ настроеніемъ Монарха немедленно воспользовались всѣ тѣ, кому по тѣмъ или другимъ причинамъ нужно было свалить Буксгевдена, и стало чувствоваться, что послѣднему — не сбобровать...

Графъ Буксгевденъ вполнѣ правильно полагалъ, что со вскрытіемъ водъ нельзя опрометчиво пускаться со слабыми силами и не овладѣвъ моремъ въ такую фантастическую экспедицію, какъ задуманное Императоромъ Александромъ вторженіе въ Швецію, безъ всякой подготовки и прежде уничтоженія той живой силы, которая еще пребывала въ предѣлахъ Финляндіи. Онъ считалъ необходимымъ, либо отложить этотъ планъ до зимы, когда переходъ возможенъ прямо по льду и не потребуются уже никакихъ техническихъ водоплавныхъ средствъ, либо сосредоточить *своевременно* надежныя морскія силы и одержать *предварительно* верхъ надъ шведскимъ флотомъ, послѣ чего только можно думать о переброскѣ силъ черезъ Ботнику.

Не вина графа Буксгевдена въ томъ, что наши морскія силы, поставленныя внѣ всякой зависимости отъ сухопутныхъ, дѣйствовали несоотвѣтственно, и господство на морѣ, не смотря на ошибки шведовъ и двусмысленное поведеніе англичанъ. вее таки оставлено было въ рукахъ нашего противника. Можно, пожалуй, упрекнуть главнокомандующаго въ томъ, что онъ слишкомъ много обращалъ вниманія на побережье, придавая первенствующее значеніе *опаснѣйшаго* и *важнѣйшаго* противника не войскамъ «финской арміи» графа Клингспора, а ожидаемымъ высадкамъ свѣжихъ войскъ, формируемыхъ и направляемыхъ лично волею короля Густава IV Адольфа. Можно, пожалуй, указать, что только рѣшительность графа Н. Каменскаго, энергично поведшаго наступленіе противъ главной группы непріятельскихъ сухопутныхъ войскъ, привела къ окончательному покоренію Финлядіи, такъ какъ разгромъ этой группы обезсилилъ и народный мятежъ; но едва ли справедливо будетъ винить графа Буксгевдена, который не могъ, вѣдь, предвидѣть ошибокъ непріятеля на морѣ, а также—что шведскія десантныя попытки поведутся послѣдовательными пакетами, благодаря чему и самое ихъ отраженіе окажется для насъ доступнымъ. Вѣдь если бы шведскій король сосредоточилъ сразу всѣ бывшія въ его распоряженіи силы на Аландскихъ островахъ, бросивъ держать войска и въ Шоніи, и на границахъ Норвегіи, и одновременно перебросилъ ихъ въ Финляндію, пользуясь запозданіемъ, а затѣмъ бездѣйствіемъ нашего флота,—то врядъ-ли даже графу Каменскому удалось бы спасти положеніе...

По характеру своему графъ Буксгевденъ, конечно, не былъ способенъ, подобно выдающимся полководцамъ, въ критическія минуты «сжигать свои корабли» и ставить все на карту. Въ этомъ отношеніи Каменскій безусловно стоитъ гораздо ближе къ великимъ образцамъ искусства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ взваливать наши неудачи перваго періода кампаніи 1808 г. только на отвѣтственность главнокомандующаго, приписывая успѣхи второй ея половины исключительно Каменскому (какъ это дѣлаетъ напримѣръ, Михайловскій - Данилевскій) будетъ вопіющею несправедливостью...

Недовѣріе къ графу Буксгевдену, между тѣмъ, простерлось до того, что изъ Петербурга неоднократно былъ командированъ въ Финляндію полковникъ (потомъ генераль) маркизъ Паулуччи, сардинскій выходецъ, который сперва, по Высочайшему повелѣнію, «обслѣдовалъ» положеніе дѣлъ въ Финляндіи, а потомъ уже сталъ составлять и операціонные планы, находившіе одобреніе въ Петербургѣ. Понятна горечь обиды, которая звучитъ въ письмахъ Буксгевдена министру иностранныхъ дѣлъ Румянцеву ¹⁾, когда онъ пишетъ о «непріятностяхъ» «двигатели» которыхъ, укрываясь «подъ эгидой власти», лишаютъ его «возможности открыто доказать ихъ неправду». Эти люди нашли способы дать ему «невозможныя инструкціи, при Высочайшемъ повелѣніи въ точности сообразоваться съ ними, а для большаго еще моего униженія автору этихъ инструкцій предоставили быть и подателемъ мнѣ самаго повелѣнія... Я слишкомъ хорошо вижу, откуда идутъ всѣ эти оскорбленія, но меня очень мало знаютъ, предполагая, что честолюбіе побудитъ меня сохранить мѣсто во что бы то ни стало; напротивъ, я охотно уступлю его всякому, кто лучше меня будетъ заботиться о пользѣ отечества... Пусть генералы въ родѣ Спренгтпортенъ и Кнорринговъ меня заступятъ; можетъ быть, они будутъ имѣть болѣе успѣха; по крайней мѣрѣ, если они сотрудничали въ составленіи инструкцій, то найдутъ ихъ и удобоисполнимыми... Поэтому если инструкціи должны быть непременно исполнены, я твердо рѣшился принести отечеству послѣднюю жертву, уступивъ мое мѣсто генералу, болѣе покорному наставленіямъ, которыя неизвѣстный иностранецъ даетъ главнокомандующему русской арміи».

¹⁾ См. Ординъ, т. I, стр. 408—410.

Одновременно Буксгевденъ писалъ и Государю и просилъ объ увольненіи отъ должности. За отъѣздомъ Императора въ Эрфуртъ, рѣшеніе этого дѣла отложилось, а тѣмъ временемъ въ Финляндіи Каменскій своими ударами быстро склонилъ вѣсы на нашу сторону. Вопросъ объ устраненіи Буксгевдена отъ командованія временно былъ отсроченъ. Но самъ главнокомандующій отнюдь не забывалъ обиды и, несмотря на блестящія побѣды, упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи, какъ видно изъ его переписки съ Румянцевымъ. Тѣмъ временемъ, враги его въ Петербургѣ не дремали. Заключеніе перемирія въ Лохтео послужило новымъ поводомъ къ тому, чтобы обрушиться на главнокомандующаго. Мы уже знаемъ, что перемиріе это было прервано по распоряженію комитета министровъ, что Императоръ Александръ призналъ его «непростительною ошибкой», которая, однако была снова повторена уже 7-го ноября графомъ Каменскимъ въ Олькіоки.

Конвенція эта привела Императора Александра въ негодованіе, которое пѣбликомъ отразилось на главнокомандующемъ. 8-го декабря, возвращаясь съ сѣвера Финляндіи, Буксгевденъ получилъ въ Або Высочайшій указъ объ увольненіи отъ командованія... Скорбными нотами звучатъ послѣднія его всеподданиѣйшія донесенія (см. Д. В. Уг. Арх. Гл. Шт. № 1651), въ которыхъ ветерану екатерининскихъ войнъ приходилось даже указывать, что имъ не свершено «ничего безславнаго» и умолять о предоставленіи ему возможности лично представить Монарху своему все необходимыя разъясненія... Силы Буксгевдена были окончательно потрясены, и здоровье въ корень подкошено тяжкими ударами, павшими на его голову, и уже два года спустя, въ 1811 году, его не стало... Безпристрастной исторіи принадлежитъ теперь произнести свой справедливый приговоръ надъ этимъ военачальникомъ, однимъ изъ «стаи славной екатерининскихъ орловъ», который, въ мѣрѣ данныхъ ему природою силъ и способностей, искренно и безкорыстно радѣлъ о пользѣ государственной.

Личность графа Буксгевдена несомнѣнно принадлежитъ къ числу величавыхъ образовъ нашего прошлаго, образовъ, трагическая судьба которыхъ невольно влечетъ къ нимъ и заставляетъ снисходить къ вольнымъ и невольнымъ ихъ прегрѣшеніямъ. Но,

если и могутъ быть подмѣнены у Буксгевдена, какъ полководца и администратора, упущенія и даже ошибки, неизбѣжныя при тѣхъ исключительно-трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыя онъ былъ поставленъ, то всѣ они безусловно искупаются его уваженіемъ вездѣ и во всемъ къ интересамъ Россіи.

П. Кибѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

